

Нельзя портить малышей.

Когда Янь Сюй закрыл дверь, шум снаружи, который на мгновение затих, снова усилился. К счастью, звукоизоляция в квартире была неплохой, и он слышал всё лишь смутно, что немного успокоило его.

Неужели Чжан Чжуан тоже оказался геєм? Странно, за двадцать с лишним лет Янь Сюй ни разу не встречал таких людей, а тут за несколько дней уже вторая пара. Причём оба — его знакомые. Погладив Дань-Даня и Сяо Дуньэра по голове, он решил подождать, пока ссора закончится, прежде чем выйти.

К счастью, Чжан Лэнсюань и Цяо Шэн понимали, что находятся в чужом доме, и, немного поспорив, вышли на лестничную площадку, чтобы продолжить там.

Прошло минут десять, и Янь Сюй решил проверить, как там дела, надеясь, что они не подерутся. Ссора — это одно, а вот травмы — уже совсем другое.

Только он открыл дверь на лестничную клетку, как увидел, как Цяо Шэн прижал Чжан Чжуана к стене.

Чжан Чжуан обнял Цяо Шэна за шею, его длинные ноги обвились вокруг талии мужчины. Цяо Шэн держал его на весу, и они страстно целовались, слышался даже влажный звук их поцелуя.

Услышав шум, Цяо Шэн и Чжан Лэнсюань одновременно повернулись к Янь Сюю.

Янь Сюй никогда не видел Чжан Чжуана в таком состоянии — его глаза были слегка красными, губы опухшими, словно лепестки цветка, слегка приоткрытые. Взгляд был расфокусированным.

— Продолжайте, продолжайте, извините за беспокойство.

Янь Сюй бросился прочь.

Влюблённые, конечно, ссорятся на кровати, а мирятся на полу.

Янь Сюй думал, что эти двое ещё какое-то время будут дуться друг на друга или стесняться появляться перед ним, ведь они так громко ссорились и даже целовались у него на глазах. Должно же быть хоть какое-то стеснение, верно?

Однако Чжан Лэнсюань, похоже, понятия не имел, что такое стыд, а его возлюбленный был ещё хуже.

Они вошли, держась за руки, и буквально накормили Янь Сюя собачьим кормом. Тот, как раз стиравший одежду Дань-Даня и Сяо Дуньэра, чуть не ослеп от их сияния.

— Брат Янь? Сам стираешь? Закинь в стиральную машину, не мучь себя, — сказал Чжан Лэнсюань, совершенно не замечая, что его губы опухли, а шея была покрыта следами поцелуев. Он выглядел удовлетворённым, словно только что закончил какое-то дело, и бесстыдно наклонился, чтобы поговорить.

Янь Сюй вздохнул, понимая, что тот никогда не занимался детьми, а холостяки обычно не особо заморачиваются:

— Детские вещи нужно стирать в отдельном тазике и использовать специальный порошок.

— Ты их слишком балуешь, — не согласился Чжан Лэнсюань. — Мы раньше стирали с мылом, и ничего страшного не случилось. Дети должны падать и подниматься, чтобы расти сильными.

Янь Сюй не нашёл, что ответить. Некоторые люди от природы обладают талантом убивать любой разговор. Посмотрев на их сцепленные руки, он спросил:

— Ты сегодня уезжаешь?

Тут Чжан Лэнсюань наконец проявил немного смущения:

— Нет, мы договорились остаться тут на несколько дней. Хотим посмотреть местные достопримечательности, да и температура тут снижается. У нас сейчас жара, днём за сорок, ночью около тридцати восьми. Никуда не хочется выходить. Людей просто сушит.

— Знаю, что у тебя тут места мало, не буду тебя беспокоить, сами снимем номер, — улыбнулся Чжан Лэнсюань. — У нас есть карты лояльности в нескольких сетевых отелях, всё со скидками, недорого.

Янь Сюй не стал их удерживать. Эти двое буквально излучали розовые пузыри любви, и было очевидно, что вечером их ждут большие дела.

Он не волновался за Чжан Чжуана. Тот с детства был хитрюгой, и только он мог обмануть других, а вот обмануть его было практически невозможно.

— Наверное, я тут несколько дней не появлюсь. Когда нагуляемся, зайдём, и тогда поужинаем вместе перед отъездом, — Чжан Лэнсюань улыбался так, словно уже представлял себе эти дни, наполненные едой, питьём и другими радостями жизни.

— Хорошо, — одним словом Янь Сюй отпустил их.

У них не было времени побыть наедине, и Янь Сюй не мог прилюдно спросить Чжан Лэнсюаня, что он думает об этом человеке. В конце концов, они все были взрослыми, и каждый сам отвечал за свою жизнь, будь она хорошей или плохой.

Едва они ушли, как через полчаса Янь Сюй получил сообщение от Чжан Лэнсюаня:

[Наслаждаемся любовью, одинокий пёс!] — с добавлением смайлика, выражающего презрение.

Янь Сюй не знал, смеяться ему или плакать. Не зря говорили, что влюблённые теряют рассудок. Чжан Лэнсюань, похоже, был ярким представителем этого явления.

— Папа! — Дань-Дань, одетый в трусики с жёлтыми цыплятами, сидел посреди гостиной. На полу был расстелен чистый татами, а углы журнального столика обложены поролоном, чтобы ребёнок не ударился. Детская кожа нежная, и даже маленькая царапина могла стать большой проблемой.

Возможно, след останется на всю жизнь.

Янь Сюй поспешно развесил одежду, снова вымыл руки и подошёл к мальчику. Обняв его, он спросил:

— Что случилось?

— Дядя! — Дань-Дань надул губы, его большие глаза смотрели на Янь Сюя с мольбой. — Хочу дядю Цзина.

Янь Сюй покачал головой:

— Дядя Цзин — взрослый, он очень занят. Он не может всё время быть с тобой. Будь хорошим мальчиком, понимай других.

Но Дань-Дань не сдавался. Пользуясь своим возрастом, он притворился, что не понимает слов Янь Сюя:

— Хочу дядю! Дань-Дань позвонит дяде!

Возможно, после того как он вылупился, Цзин Цичэнь всегда был рядом, и мальчик считал, что они с папой, дядей Цзином и братиком Цыплёнком — одна семья. Для него было странно, что они так долго не видятся. Это было что-то вроде странного синдрома птенца.

Сначала Янь Сюй не соглашался. В конце концов, он уже достаточно беспокоил мистера

Цзина, и тот был добр, чтобы не отказать. Но нельзя же постоянно злоупотреблять его добротой.

Для него Дань-Дань был важным, но для мистера Цзина он был всего лишь ребёнком соседа.

Человек должен знать свои границы. Янь Сюй всегда это понимал. То, что для тебя сокровище, для других может быть просто вещью.

Дань-Дань хитро улыбнулся, фыркнул и отвернулся, игнорируя Янь Сюя.

Тот не стал потакать его капризам и отправился убирать на кухне.

Как только папа ушёл, Дань-Дань подполз к братику Цыплёнку. Сяо Дуньэр в это время играл с кубиками, пытаясь построить замок, но ему не хватало одного треугольного блока, и он был в отчаянии.

— Братик Цыплёнок! — маленькая ручка Дань-Даня держала как раз треугольный блок. Он надул губы:

— У тебя есть телефон?

Сяо Дуньэр взял блок и достал из своего маленького рюкзака старый чёрный телефон, модель десятилетней давности, которая всё ещё работала. Он мог только звонить и отправлять сообщения, интернета не было. Но он мог запускать QQ.

Дань-Дань уверенно нажал кнопки, и через пару гудков кто-то ответил.

Но это был не знакомый голос дяди Цзина. Хотя тон был похож, голос звучал холодно и с долей раздражения:

— Кто это?

Но прежде чем Дань-Дань успел что-то сказать, Цзин Цичэнь добавил:

— Я не покупаю страховку.

Дань-Дань заволновался:

— Дань-Дань! Это Дань-Дань!

Голос Цзин Цичэня вдруг изменился, словно из лютой зимы превратился в весеннее солнце, став мягким и дружелюбным:

— Дань-Дань? Что случилось?

— М-м... — Дань-Дань задумался, сбитый с толку вопросом Цзин Цичэня, и забыл, что хотел сказать.

После долгих размышлений он наконец вспомнил:

— Дядя, спи с Дань-Данем! Спи-спи! Ешь с Дань-Данем!

Цзин Цичэнь на мгновение замер, но потом понял, что мальчик просто скучает по нему.

Однако он был в офисе, и подчинённые ждали у двери, ожидая его указаний.

Выражение лица Цзин Цичэня стало мягким, на губах появилась улыбка, а глаза смотрели на стол:

— Вечером дядя зайдёт к тебе, хорошо? Сейчас у меня дела. Будь хорошим мальчиком, ладно?

— Хороший! Дань-Дань хороший!

— Молодец, Дань-Дань — самый хороший мальчик, — Цзин Цичэнь не поскупился на похвалу.

После того как Дань-Дань ещё немного поситал, они попрощались, и, услышав гудки в трубке, Цзин Цичэнь положил телефон.

Дела нужно было завершать, и Цзин Цичэнь не мог откладывать их. Его подчинённые работали с ним много лет. Как лидер, он должен был брать на себя ответственность.

— Получили информацию? — взгляд Цзин Цичэня был ледяным, словно комната покрылась инеем.

Все знали, что начальник в плохом настроении, но объяснить это они не могли.

Иногда объяснения были похожи на оправдания.